

УДК 340.13
343.21

А. П. Чирков

**НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ ПРЕДПИСАНИЕ:
ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЙ И УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТЫ**

Рассматривается понятие нормативно-правового предписания, анализируются позиции ученых об их видах, соотношении с приемами законодательной техники и классификации.

The article analyses the concept of legal provision, its scientific typology, classification and correlation with legislative practice.

Ключевые слова: нормативно-правовое предписание, уголовно-правовая норма, законодательная техника, презумпция, фикция.

Keywords: legal provision, criminal norm, legislative technique, presumption, fiction.

В правовой литературе в последние годы вместе с понятием «правовая норма» достаточно часто употребляется и такой термин, как «нормативно-правовое предписание». Впервые оно было использовано А. В. Мицкевичем, под которым он понимал «то или иное логически завершенное положение, прямо сформулированное в тексте акта государственного органа и содержащее обязательное для других лиц, организаций решение государственной власти» [7, с. 39].

Появление этого понятия не случайно, поскольку на определенном этапе развития правовой теории сформировался круг вопросов, решение которых с позиции классической теории правовых норм вызывало серьезные затруднения [3, с. 75]. К ним, в частности, относятся дискуссии о структуре нормы права, о первичном элементе нормативно-правового акта и системе законодательства и т. д. Однако далеко не все авторы признали за нормативно-правовым предписанием право на самостоятельную научную значимость и место в категориальном аппарате юридической науки. Так, А. Ф. Черданцев пишет: «В работах различных авторов термин “предписание” используется в различных значениях. Нередко его использование в каком-то новом смысле преподносится как теоретическая “новинка” или даже открытие. На наш взгляд, в этих случаях мы имеем дело не с чем иным, как удвоением терминологии, необоснованно засоряющим терминологический арсенал науки» [10, с. 34]. Вместе с тем появляется вопрос: как объяснить с позиции теории правовых норм юридическую природу таких правоположений, как декларации, принципы, дефиниции, сроки, презумпции, фикции и т. д. Ведь наряду с регулятивными и охранительными нормативными предписаниями существуют также предписания (по терминологии С. С. Алексеева — специализированные предписания), которые не являются самостоятельной нормативной основой для возникновения

правоотношений; при регламентировании общественных отношений они как бы присоединяются к регулятивным и охранительным предписаниям, образуя в сочетании с ними единый регулятор [1, с. 71].

Выполняя определенную регулирующую функцию в системе права, нормативно-правовые предписания можно рассматривать и как способы, средства законодательной техники. Дело в том, что нормативно-правовое предписание выступает как универсальная категория, объединяющая систему права и систему законодательства. И если говоря о норме права мы стараемся отвлечься от особенностей формы, анализируем прежде всего содержание, замысел законодателя, то категория нормативно-правового предписания как раз показывает неразрывную связь этого замысла с конкретными словами и предложениями текста [4, с. 10]. Поэтому представляется не совсем корректным высказывание А. В. Иванчина о том, что приемы законодательной техники — это суть, способы построения нормативных предписаний, в том числе соединенные с использованием определенных средств, к которым он относит, несмотря на его регулирующее значение, такое нормативно-правовое предписание, как дефиниция [5, с. 11].

Двухаспектная оценка нормативно-правовых предписаний применительно к презумпциям и фикциям хорошо показана К. К. Панько: «Специфика презумпции как средства юридической техники, отличающая ее от других средств и приемов законотворчества, состоит в том, что она имеет собственное регулятивное значение типа правовых предписаний “общих начал”, “отправных нормативных установлений”, норм-целей или норм-принципов. <...> Фикция выделяется из общего ряда средств законодательной техники тем, что она “передергивает”, “подтаскивает”, “подменяет” действительность. Нормы-фикции, как и другие нормы, закрепляются в нормативно-правовых актах (законах) и выступают общеобязательными предписаниями» [8, с. 221, 227]. При этом указанный автор к презумпциям относит: презумпцию знания закона, презумпцию невиновности, презумпцию истинности судебного решения, презумпцию деликтоспособности, презумпцию вменяемости, презумпцию усиления общественной опасности деяния и лица, его совершившего (совершение преступления в соучастии, при рецидиве, при отягчающих и квалифицирующих обстоятельствах), презумпцию снижения общественной опасности содеянного и личности виновного (совершение преступления при смягчающих обстоятельствах, впервые, в условиях чрезвычайного положения и т. д.), презумпцию утраты лицом общественной опасности (вследствие истечения определенного времени с момента совершения преступления, примирения с потерпевшим и т. п.) [8, с. 222]. В свою очередь К. К. Панько делит фикции в зависимости от их проявления (использования) в различных институтах, каждый из которых имеет свое место в общей системе уголовного права: 1) фикции в конструкции понятия преступления и его состава; 2) фикции в законодательной регламентации освобождения от уголовной ответственности; 3) фикции в законодательной

регламентации назначения наказания, освобождения от отбывания наказания и других правовых последствий [8, с. 234].

В юридической литературе, несмотря на достаточно широкое использование понятия нормативно-правового предписания, имеются существенные различия по вопросу о его видах. Так, С. С. Алексеев наряду с регулятивными и охранительными предписаниями выделяет также общие (общезакрепительные) дефинитивные, декларативные (нормы-принципы), оперативные и коллизионные предписания [1, с. 71].

В свою очередь В. М. Сырых, исключая нормы права, к нормативно-правовым предписаниям относит предписания-принципы, предписания-дефиниции, предписания-гипотезы, диспозиции, санкции, отсылочные предписания, бланкетные предписания, диспозитивные предписания, императивные предписания [9, с. 129 – 131].

Очевидно, что причисление к видам нормативно-правовых предписаний отсылочных и бланкетных предписаний нельзя признать обоснованным, поскольку это не предписания, а способы законодательной техники. Логически неоправданно выделение диспозитивных и императивных предписаний наряду с предписанием-диспозицией, поскольку в ней заключено правило поведения, основанное на дозволении или запрете.

В. М. Горшенев, рассматривая норму права как классическое, типичное нормативное предписание, приводит следующий перечень нетипичных нормативных предписаний: плановые задания, рекомендации, сроки, преюдиции, презумпции, фикции, дефиниции, юридические конструкции [2, с. 113 – 118]. Особое возражение вызывает включение в виды нормативных предписаний юридических конструкций. Как известно, законодательной моделью преступления является его состав. Наиболее полно признаки состава преступления сосредоточены в диспозиции статьи Особенной части УК РФ. Вместе с тем определенная часть этих признаков находится в Общей части УК РФ. А если, например, речь идет о применении нормы с бланкетной диспозицией, то предполагается необходимость установления конкретных признаков посягательства на основании других отраслей права. Ясно, что получить четкое, исчерпывающее представление обо всех признаках такой юридической конструкции, как состав преступления, основываясь на минимальной единице текста УК РФ, каковой является нормативно-правовое предписание, невозможно. Поэтому и отождествление этих двух понятий недопустимо [4, с. 15].

Очевидно, что не только выделение и теоретическое обоснование наличия тех или иных нормативно-правовых предписаний способствует изучению их правовой природы; этому, а также совершенствованию законодательской практике и правоприменительной деятельности служит классификация данных предписаний.

Содержательную, причем с позиции нескольких критериев, классификацию нормативных предписаний Общей части уголовного права предложил В. П. Коняхин. Так, по предмету непосредственного регули-

рования он выделяет следующие предписания: системообразующие нормативные предписания; нормативные предписания, раскрывающие свойства преступления; нормативные предписания, определяющие наказание и иные меры уголовно-правового характера, нормативные предписания, регламентирующие особенности уголовной ответственности несовершеннолетних; нормативные предписания, устанавливающие принудительные меры медицинского характера. По способу правового регулирования нормативные предписания подразделяются на управомочивающие, обязывающие и запрещающие; по способу доминирующей цели законодательного закрепления различается следующая группа нормативных предписаний: декларативные, дефинитивные, деколлидирующие, регулятивные, охранительные и поощрительные [6, с. 185 – 205].

Из предложенных В.П. Коняхиным классификаций наибольшую теоретическую и практическую ценность, на наш взгляд, представляет последняя, поскольку цель, закрепленная в уголовно-правовой норме (или нормативном предписании), позволяет установить системные связи между элементами и субэлементами нормы. Очевидно, что дальнейшая разработка проблемы нормативно-правового предписания даст возможность по-новому взглянуть на систему (структуру) права и ее отраслевых подразделений, в частности на систему уголовного права.

Список литературы

1. Алексеев С. С. Общая теория права: в 2 т. Т. 2. М., 1982.
2. Горшенев В. М. Нетипичные нормативные предписания в праве // Советское государство и право. 1978. № 3.
3. Давыдова М. Л. О юридической природе нормативно-правовых предписаний // Журнал российского права. 2003. №10.
4. Давыдова М. Л. Нормативно-правовые предписания в российском законодательстве. Волгоград, 2001.
5. Иванчин А. В. Уголовно-правовые конструкции и их роль в построении уголовного законодательства: автореф. дис. ... канд. юр. наук. Екатеринбург, 2003.
6. Коняхин В. П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права. СПб., 2002.
7. Мицкевич А. В. Акты высших органов Советского государства. М., 1967.
8. Паныко К. К. Методологии и теория законодательной техники уголовного права России. Воронеж, 2004.
9. Сырых В. М. Теория государства и права: учебник для вузов. М., 2007.
10. Черданцев А. Ф. Логико-языковые феномены в праве, в юридической науке и практике. Екатеринбург, 1993.

Об авторе

А. П. Чирков — канд. юр. наук, доц., РГУ им. И. Канта.

Author

Dr. A. Chirkov — Associate Professor, IKSUR.

